

ДОРХЕМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕКС СКАРЛЕТ

18+

Алекс Скарлет
Дорхем

«Автор»

2026

Скарлет А.

Дорхем / А. Скарлет — «Автор», 2026

Варн и Эйн выросли на затерянном острове, где потомки четырёхсот беглецов уже три века скрываются от власти Дома Корн. Один носит в крови наследие тех, от кого остров когда-то спасался; другой принадлежит роду, хранящему память об Исходе. Когда им исполняется шестнадцать, раскрывается тайна, которая меняет всё.

© Скарлет А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1: Кровь и соль	5
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвёртая	14
Часть 2: Исход	17
Глава первая	18
Глава вторая	20
Глава третья	21
Глава четвертая	22
Глава пятая	25
Часть 3: Рыжая	26
Глава первая	26
Глава вторая	28
Глава третья	30
Глава четвёртая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алекс Скарлет Дорхем

Часть 1: Кровь и соль

Глава первая

Море пахло иначе когда надвигался шторм.

Варн знал этот запах с детства — тяжёлый, железистый, будто кто-то невидимый точит клинок прямо над водой. Сейчас запах был именно такой. Он сидел на краю выступа у восточного берега, свесив ноги над обрывом, и смотрел как горизонт темнеет полосой — медленно, основательно, будто небо передумало быть небом.

— Слезай, — сказал Эйн снизу. — Если тебя сдует я скажу Даре что ты сам прыгнул.

— Она тебе не поверит.

— Поверит. Я умею плакать когда надо.

Варн не ответил.

Далеко, у самого края видимого мира, чернела точка — что-то большое, слишком большое для рыбацкой лодки. Он прищурился. Точка не двигалась, или двигалась так медленно что глаз не успевал поймать движение. Варн смотрел не отрываясь — дольше чем нужно, дольше чем приятно. Не моргал. Дара называла это его дурной привычкой. Эйн просто старался не замечать.

— Эйн.

— Что.

— Там корабль.

Пауза. Потом шорох — Эйн карабкался по камням, осторожно, сначала думал куда поставить ногу. Через минуту уже сидел рядом. Ветер трепал белые волосы.

— Не вижу ничего.

— Вон там. Левее. У самой тёмной полосы.

Эйн долго молчал.

— Это туча.

— Это не туча.

— Ты видишь тучу и думаешь что это корабль потому что хочешь увидеть корабль.

Варн не стал спорить. Слез с края, встал на твёрдую землю. Ещё секунду смотрел туда — тем же взглядом, не мигая, как будто точка должна была что-то ответить.

Она ничего не ответила.

— Пойдём, — сказал Эйн уже на ходу. — У Тода сегодня есть копчёная рыба. Он обещал.

— Тод всегда обещает.

— И иногда даже держит слово.

Они пошли по тропинке вдоль берега — узкой, выбитой в земле ногами людей которые ходили здесь раньше них. Триста лет хождения назад и вперёд. Варн иногда думал об этом — кто прошёл здесь первым, знал ли тот человек что идёт первым, чем всё для него кончилось.

За спиной небо гроыхнуло.

Эйн даже не обернулся.

Тод жил в третьем доме от берега — приземистом, пахнущем смолой, с дырой в крыше которую чинил уже четвёртый год. Дверь была открыта. Тод сидел внутри и что-то резал ножом прямо на колене, шурясь от дыма очага.

— Рыба есть? — спросил Варн с порога.

— Здравствуйте — это первое слово.

— Здравствуй. Рыба есть?

— Была.

— Ты обещал.

— Я много чего обещал. — Тод наконец посмотрел на него — быстро, и сразу отвёл глаза. У него было лицо человека которому жизнь объяснила всё что хотела, и он согласился. — Заходите. Дождь через пять минут.

Они зашли. Эйн сел на лавку и сразу вытянул ноги. Варн остался стоять — он редко сидел когда мог стоять. Дара говорила что это нехорошо, что хорошие люди умеют сидеть спокойно. Он не спрашивал что она имеет в виду под хорошими людьми.

Тод достал из-под стола кусок рыбы, завернутый в тряпку — жёлтый, плотный, пахнущий дымом. Бросил на стол.

— Вот. Доволен?

— Очень, — сказал Варн и потянулся взять.

— Эйн первый, — сказал Тод.

Варн убрал руку. Тод сказал это тоном каким говорят вещи которые не обсуждаются. Он вообще старался лишний раз не смотреть на Варна — если тот задерживался, Тод находил себе что-нибудь резать, что-нибудь чинить. Варн заметил это давно и ни разу не спросил почему.

Эйн взял кусок, разломил пополам, протянул Варну половину.

За дверью ударил дождь — сразу, без предупреждения.

— Видел корабль, — сказал Эйн.

— Где? — спросил Тод.

— У горизонта. Восточнее.

— Туча, — сказал Варн.

— Может быть, — сказал Эйн. Голосом которым говорят когда уже решили что думают.

Тод снова взял нож. Начал что-то резать — просто так, как режут когда думают.

— Корабли сюда не заходят, — сказал он наконец.

Никто не ответил.

Варн жевал и смотрел на огонь. Дождь лупил по крыше — по той части где не было дыры и по той где была. Там капало в глиняный горшок, редко и точно.

Он думал про точку у горизонта. Если там был корабль — он придёт ещё раз.

Огонь потрескивал. Дождь шёл.

— Завтра снова пойдём смотреть? — сказал Эйн.

— Да, — сказал Варн.

Тод ничего не сказал. Только резал.

Глава вторая

Дара сказала ему утром что если он ещё раз полезет на тот выступ то она сломает ему обе ноги и посмотрит куда он полезет тогда.

Он сказал ей что с переломанными ногами можно ползти.

Она посмотрела на него долго — таким взглядом каким смотрят когда не знают смеяться или бить. Потом сказала что он очень похож на своего отца, и ушла в дом не объяснив что имела в виду.

Она всегда смотрела на него так. Не страх — что-то более долгое. Как смотрят на огонь горящий близко к занавеске.

Варн не знал своего отца. Дара говорила что тот умер до его рождения — болезнь, быстрая, без подробностей. Мать умерла когда он был слишком мал чтобы помнить. Он не злился на это, злиться было не на кого. Эйн однажды сказал что не злиться на пустоту это и есть мудрость. Варн тогда сказал что Эйн просто не умеет злиться по-настоящему.

Эйн не стал спорить. Что тоже было его способом оказаться правым.

Храм богини света стоял в середине острова — не на берегу, не на холме, а именно в середине, как будто кто-то решил что богиня должна быть равноудалена от всего. Стены у него были белые, когда-то. Сейчас — серые от соли и времени, с тёмными потёками там где крыша пропускала воду. Внутри всегда пахло воском и ещё чем-то, чем-то что Варн не мог назвать но всегда чувствовал.

Они добежали от дома Тогда насквозь мокрые. Дождь бил не переставая, крупный, с ветром который гнал его горизонтально так что капли летели в лицо как песок.

Эйн толкнул дверь плечом. Она открылась с привычным скрипом.

Внутри было тихо. Несколько свечей горели у дальней стены — у большого образа Аэлис, золотого, потускневшего, с выражением лица которое могло означать всё что угодно. Рядом с образом стоял каменный постамент — старый, явно старше самого храма, грубо отёсанный, без украшений. Под ним склеп. Там лежал Каин — тот кто спас их всех и умер по дороге, тот чьё имя здесь произносили тихо и только когда нужно.

— Думаешь это был торговец? — спросил Эйн, садясь на лавку у стены.

— Торговцы сюда не ходят.

— Тод сказал что корабли вообще сюда не ходят. А этот пришёл.

— Может мимо плыл.

— Мимо куда? Здесь нет никуда. — Эйн посмотрел на него. — Ты же сам знаешь карту. За нами только океан.

Варн не ответил.

Он смотрел на постамент. Стоял неподвижно и просто смотрел. Что-то в груди тянулось к нему — медленно, без спроса.

Потом пришёл запах.

Медь. Тёплая — как когда порежешь палец и поднесёшь к носу. Только сильнее.

Потом это вошло в него через грудину.

Не мысль. Не сон. Что-то хлынуло вниз — в живот, в ладони, в пальцы, — как будто нашло его кровь и потянулось к ней. Думать сразу стало трудно. В горле встало что-то плотное, рот наполнился слюной — и он понял что это не его рефлекс, а что-то старое и голодное которое просто воспользовалось его ртом.

Голод. Чужой, тупой от долгого ожидания. Не на хлеб, не на воду — на что-то тёплое, быющее. Что-то в нём знало куда давить, знало что происходит с телом когда из него уходит то что его держало. Это знание лежало в руках, в пальцах, в том как они чуть согнулись сами, без его воли.

Это не казалось ему страшным.

Это было хуже всего.

— Варн!

Он не услышал.

— Варн!

Эйн держал его за плечо и тряс. Лицо у него было такое каким бывает когда пытаются не показать что испугались.

Варн вдохнул. Во рту стоял привкус — железный, чужой. Он сглотнул.

— Что с тобой?

— Ничего. — Голос звучал хрипло, как чужой. — Всё нормально.

— Ты стоял и не отвечал. Я два раза позвал.

— Задумался.

— Это не задумался. — Эйн не убрал руку с плеча. — Тебе плохо?

— Голова. — Варн поморгал. — Пойдём отсюда.

Эйн не стал спорить. Взял его за локоть — крепко, без лишних слов — и они вышли.

Дождь кончился.

Они остановились на пороге — и Эйн первым увидел. Он всегда первым чувствовал когда что-то не так с пространством.

Корабль стоял у воды.

Не у горизонта — здесь, близко, будто вырос из моря пока они прятались от дождя. Небольшой, потрёпанный, с одной мачтой и убраным парусом. От него к берегу шла шлюпка — один человек на вёслах, один на носу.

Тот что стоял был невысокий, в плаще с откинутым капюшоном. Немолодой, загорелый, с бородой которую явно не стригли давно. Смотрел на берег без всякого выражения — спокойно, как смотрят на место которое знают.

— Он знает про остров, — сказал Варн тихо.

— Да, — сказал Эйн.

— Ты же понимаешь что это плохо.

— Да.

Они стояли и смотрели как шлюпка приближается. Человек на носу не шевелился — не смотрел по сторонам, не указывал гребцу куда грести. Просто ждал когда берег сам придёт к нему.

— Нужно позвать кого-нибудь из старших, — сказал Эйн.

— Нужно, — согласился Варн. — Но сначала посмотрим кто это.

— Варн—

— Одну минуту.

Шлюпка ткнулась в берег. Человек в плаще шагнул на гальку — легко, привычно — и огляделся. Взгляд у него был такой каким оглядываются не чтобы увидеть что-то новое, а чтобы проверить что старое на месте.

Потом он посмотрел прямо на них.

Глаза у него были светлые, неподвижные — не мёртвые, но такие как будто нижнее веко забыло как моргать. Он смотрел на Варна дольше чем нужно. Не угрожающе. Просто долго — с тем выражением которое можно было бы назвать узнаванием, если бы они встречались раньше.

— Мальчики, — сказал он. Голос низкий, немного хриплый, с акцентом который Эйн не мог опознать. — Где здесь можно поговорить со старшим?

Эйн молчал.

— С каким старшим? — спросил Варн.

— С тем кто хранит это место. — Человек снова огляделся — на храм, на дома, на тропинку уходящую вглубь острова. — Я знаю что он есть.

— Откуда вы знаете про это место? — спросил Эйн.

Человек посмотрел на него. На долю секунды что-то изменилось в его взгляде — не удивление, что-то тоньше, как будто он ожидал одно лицо а увидел другое. Потом успокоился.

— Долгая история, — сказал он. — Для неё нужна крыша над головой и что-нибудь горячее.

Эйн посмотрел на Варна.

Варн смотрел на незнакомца. Что-то в нём было не так — не угроза, не ложь. Чувство что этот человек занимает в воздухе чуть больше места чем должен.

— Подождите здесь, — сказал Эйн.

Глава третья

Главу острова звали Седрик Рэнар.

Невысокий, широкоплечий, с белыми волосами которые он стриг коротко и красными глазами которые всегда казались Варну чуть более внимательными чем нужно. Ему было около пятидесяти. Он никогда не повышал голос — это пугало больше чем если бы повышал.

Они нашли его у кузницы — Седрик смотрел как молодой Орн правит лемех, стоял скрестив руки и иногда говорил одно слово. Эйн подошёл и сказал что на берегу чужой корабль и чужой человек который хочет говорить со старшим.

Седрик не изменился в лице.

— Один?

— С гребцом. Гребец остался в шлюпке.

— Вооружён?

— Не видно. Плащ длинный.

Седрик помолчал. Посмотрел на Орна, на лемех, на огонь в горне. Потом сказал Орну что угол не тот и пошёл к берегу — не быстро, как идут когда никуда не торопятся и именно поэтому приходят вовремя.

Варн и Эйн пошли следом.

Незнакомец ждал там где они его оставили. Стоял на гальке, руки в карманах плаща, смотрел на воду. Когда услышал шаги — обернулся. Увидел Седрика и чуть склонил голову — не поклон, что-то меньшее, признание что перед ним тот кто нужен.

— Меня зовут Каррос, — сказал он. — Каррос из Вэлта. Я не причиню вреда никому на этом острове.

— Это хорошее намерение, — сказал Седрик. — Как вы нашли нас?

И Каррос рассказал.

Эйн слушал внимательно.

История была складная — не слишком гладкая, с нужными паузами в нужных местах, с деталями которые звучали как подлинные потому что были достаточно мелкими чтобы их не придумывать. Дед Карроса был с континента, из торговцев, из тех кто слышал легенды. Легенда про остров за звездой которая показывается раз в двести лет. Дед рассказывал детям как сказку. Каррос вырос, дед умер, легенда осталась.

Потом он бежал — от чего именно не уточнил, сказал только долги и недоброжелатели, голос у него при этом был ровный как у человека которому нечего скрывать именно потому что он уже решил что скрывать. Бежал на выжженную землю за первой стеной — там никто не живёт уже три сотни лет, там можно спрятаться. Нашёл ходы под землёй. Старые, уходящие к морю.

— Тоннель выходит прямо к воде, — сказал он. — Там я нашёл следы — старые, но направление читалось. Дальше была логика и звёзды.

Седрик слушал не двигаясь.

— Значит вы нашли тоннель, — сказал он когда Каррос замолчал.

— Да.

— И следы трёхсотлетней давности.

— Я умею читать следы.

— И звёзды вам помогли.

— Звезда, — поправил Каррос. — Та самая. Она взошла этой ночью. Я видел её первый раз в жизни. — Пауза. — Я плыл прямо на неё.

Тишина. Ветер с моря. Галька под ногами Седрика скрипнула когда он перенёс вес.

— Это долгий путь чтобы проверить легенду деда, — сказал он.

— У меня не осталось других мест куда плыть.

Седрик смотрел на него долго. Эйн смотрел на Седрика и пытался понять что тот думает — и не мог. Лицо у главы было как та галька под ногами: всё на виду, ничего не прочитаешь.

— Мы дадим вам еду и кров на несколько дней, — сказал Седрик наконец. — Потом поговорим.

— Благодарю, — сказал Каррос.

Он посмотрел на Варна тем же взглядом что и на берегу — неподвижным, чуть слишком долгим. Потом отвернулся.

Варн поймал куда смотрел. Не на Седрика. Не на Эйна.

На него.

Каррос пах не так как пахнут торговцы.

Варн понял это когда они шли к временному домику у северного края. Торговцы пахли товаром — специями, кожей, трюмным деревом. Каррос пах медью. Слабо, почти неуловимо — Варн бы не заметил если бы не то что было в храме.

Он ничего не сказал Эйну.

Каррос шёл спокойно, смотрел по сторонам с видом человека который запоминает место. Иногда задавал вопросы — сколько жителей, давно ли построили храм, есть ли кузнец. Правильные вопросы. Но ответы он слушал только до половины — потом взгляд уходил куда-то в сторону, как будто искал что-то конкретное и слова были просто способом не молчать пока ищет. Правая рука при этом поднималась к горлу — медленно, бессознательно — и большой палец начинал водить по чему-то под воротником плаща. Шрам или цепочка. Он делал это каждый раз когда переставал слушать. Туда-обратно, туда-обратно, ровно.

У домика Седрик остановился.

— Здесь есть всё что нужно. Воду принесут. Дрова в углу.

— Достаточно, — сказал Каррос.

Седрик кивнул и пошёл обратно. Эйн потянул Варна за рукав — пора. Варн пошёл, но обернулся.

Каррос стоял на пороге домика и смотрел на него. Смотрел так как смотрят на задачу которую долго решали и наконец увидели ответ. Рука у горла — снова. Никакой угрозы в позе. Просто удовлетворение — спокойное, как у человека который сделал всё что мог и теперь ждёт.

Варн отвернулся и пошёл догонять Эйна.

Ночью Эйн не спал.

Лежал и думал про то как Каррос смотрел. Про тоннель который тот нашёл — если нашёл. Про то что звезда взошла именно сейчас и именно сейчас на берег пришёл человек с легендой деда. Совпадения бывают. Но такие складывались слишком ровно — один к одному, как камни уложенные чтобы перейти реку.

Он встал до рассвета и пошёл к Седрику.

Глава не спал тоже. Сидел у себя за столом с кружкой и смотрел в огонь. Когда Эйн вошёл — не удивился, только кивнул на лавку напротив.

— Ты ему не веришь, — сказал Эйн. Не вопрос.

— Я верю что он говорил складно, — сказал Седрик. — Это не то же самое.

— Тогда зачем пустил?

Седрик помолчал. Взял кружку, поставил обратно не отпив.

— Потому что амулет не сработал, — сказал он тихо.

Эйн не сразу понял.

— Амулет делает так что случайные люди нас не находят. Этот человек — не случайный. Он знал куда плывёт. Значит либо у него есть защита от влияния амулета, либо — он сам часть того же что создало амулет.

— Культ, — сказал Эйн.

Седрик не подтвердил и не опроверг. Посмотрел на огонь.

— Мальчик, — сказал он. — Варн. Сегодня у храма с ним что-то было?

Эйн вспомнил. Варн стоящий неподвижно. Два раза позванный и не слышащий. Хриплый голос когда наконец ответил.

— Да, — сказал он.

— Что именно?

— Видения. Я думаю. Он сказал что голова и что в храме странно.

Что-то в лице Седрика стало другим — не страх, что-то тяжелее страха.

— Хорошо, — сказал он. — Иди спать.

— Седрик—

— Иди спать, Эйн.

Эйн встал. Дошёл до двери. Остановился.

— Амулет под храмом, — сказал он. — Это из-за него?

Долгая пауза.

— Иди, — сказал Седрик.

Глава четвёртая

К утру Каррос был мёртв.

Нашла его соседка которая несла воду — дверь была открыта, Каррос лежал посреди домика на полу, руки вдоль тела, лицо спокойное. Никаких следов борьбы, никакого оружия. Просто лежал как человек который лёг и решил не вставать.

На полу вокруг него была кровь — не лужа, не рана, а тонкие линии, проведённые аккуратно, с намерением. Узор который Эйн не мог прочесть но от которого хотелось выйти на воздух.

Седрик пришёл, посмотрел, ничего не сказал. Попросил соседку уйти. Постоял над телом минуту.

Потом обернулся и увидел Варна — тот стоял в дверях, смотрел на узор на полу. Лицо непроницаемое, такое бывает когда человек сам не знает что чувствует.

— Уйди отсюда, — сказал Седрик.

— Что это за узор?

— Уйди.

— Седрик. Что. Это. За узор.

Седрик посмотрел на него. Долго.

— Молитва, — сказал он наконец. — Чужая молитва чужому богу. — Пауза. — Уходи, Варн.

Варн ушёл.

Но узор уже был у него в памяти — каждая линия, каждый угол. Он не понимал почему запомнил так точно. Просто запомнил. Как запоминают то что видели раньше, в другом месте, в другое время.

Как будто уже знал.

Тело Карроса вынесли на рассвете.

Седрик сам завернул его в парусину — не из уважения, из порядка. Порядок важнее уважения когда имеешь дело с вещами которые не понимаешь до конца. Он не понимал ритуал на полу — линии крови, угол каждой черты — но понимал достаточно чтобы знать что хоронить этого человека в освящённой земле нельзя. Аэлис не приняла бы такого гостя. А что она не принимает — то гниёт.

Он собрал жителей к полудню на площади у колодца.

Пришли почти все. Слухи на острове двигаются быстрее ног — к тому моменту как Седрик вышел на середину площади каждый уже знал про узор на полу, про красные линии, про то что соседка выбежала из домика белая как парус и долго не могла говорить.

— Домик проклят, — сказал Седрик без предисловий. — Что именно сделал там этот человек я не знаю. Но знаю что земля под ним теперь нечистая. Хоронить его в храме нельзя. Хоронить на острове нельзя.

— Тогда что? — крикнул кто-то сзади.

— Тело пустим по воде. Домик сожжём сегодня же — до камня, до последней щепки. Камни потом сбросим в воду.

Молчание. Потом гул — одобрительный, быстрый, такой бывает когда люди уже сами пришли к тому же решению и им нужно только чтобы кто-то сказал вслух.

— Единогласно? — спросил Седрик.

Единогласно.

Потом кто-то крикнул другое.

Началось с дальнего края толпы — там где стояли рыбаки с северного берега, крепкие, ответренные.

— Чужак пришёл к мальчику, — сказал один. — Все видели как он смотрел на него. Это не случайность.

— Мальчика привезли сюда уже проклятым, — сказал второй, голос у него был не злой — хуже, убеждённый. — Его мать приплыла с континента. Оттуда где стены и кровь. И принесла это с собой.

— Надо выпустить им кишки, — сказал третий просто, как говорят о деле которое неприятно но необходимо. — Мальчику и его матери. Пока не поздно.

Толпа качнулась. Не вся — но та часть которая качнулась была достаточно большой чтобы остальные на секунду не поняли куда идти.

Варн стоял в толпе и слышал это. Не выдавал лица. Эйн, рядом, взял его за запястье — коротко, крепко, молча. Варн не пошевелился.

Седрик поднял руку.

Не голос — просто руку. И толпа остановилась. Не потому что испугалась — потому что знала этот жест.

— Достаточно, — сказал он.

Тишина.

— Мы уже осквернили эту землю один раз сегодня ночью. — Голос у него был ровный, негромкий, такой что задние тянулись вперёд чтобы расслышать. — Ещё одно убийство и богиня отвернётся от нас. Или вы думаете она не смотрит?

Молчание.

— Мальчик вырос здесь. Среди нас. Его мать — наша. Кто хочет крови своих — пусть скажет это вслух, при всех, и я запомню кто сказал.

Никто не сказал.

Недовольные остались — Седрик видел их лица, видел как они прячут взгляды и стоят с видом людей которые просто ждут другого момента. Но момент прошёл. Толпа разошлась.

Дара пришла к нему сама, вечером, когда Варн уже спал.

Или не спал — она слышала как он ворочается, как встаёт и садится, и снова ложится. Боролся с чем-то внутри весь день — она видела это по тому как он держит руки, по тому как смотрит в сторону храма и отворачивается. Как человек который знает что нельзя и именно поэтому тянется.

Она знала что это такое. Знала с того дня когда умирающая женщина вложила ей в руки младенца и сказала несколько слов которые изменили её жизнь навсегда. Амулет тянул его. Ритуал Карроса усилил это — она чувствовала кожей, тем особым чутьём которое появляется когда есть что беречь.

— Седрик, — сказала она. — Нам нужен другой дом.

Он не удивился. Только посмотрел на неё.

— Подальше от храма. Насколько возможно.

— Я знаю, — сказал он.

— Сегодня.

— Я знаю, Дара.

Они переехали до захода солнца.

Той ночью Эйн не спал когда слышал звук.

Металл о металл — резкий, короткий, потом ещё. Потом возня, глухие удары, чей-то сдавленный вскрик. Эйн вскочил раньше чем успел подумать — выбежал на улицу в чём был, босой, на холодную землю.

Новый дом Дары и Варна был в трёх домах от него. Там горел свет в щели под дверью.

Потом дверь распахнулась и оттуда вывалились двое — один без ножа, второй держась за запястье. За ними в дверном проёме стоял Седрик — в одной руке меч, на щеке тонкая красная

полоса от уха до скулы. Глаз цел. Выражение лица такое каким бывает когда тебя пытались заставить враспloh и тебе позволили слегка разочаровать нападавших.

— Вяжите, — сказал он тем кто уже сбегался на звук.

Их было трое. Эйн узнал двоих — рыбаки с северного берега, те что кричали на площади. Третий был моложе, Эйн видел его раньше но не знал имени.

Они стояли связанные на утреннем собрании и смотрели в землю пока Седрик говорил.

— Остров держится на законе, — сказал он. — Не на силе, не на страхе — на законе. Тот кто нарушает его однажды нарушит снова. Для предательства на этом острове есть одно наказание.

— Пощади, — сказал один из рыбаков. — У меня дети.

— Я знаю твоих детей, — сказал Седрик. — Они вырастут и узнают что их отец пытался убить ребёнка ночью с ножом. Это и будет их урок.

Лодку подготовили к полудню — старую, латаную, с вёслами которые скрипели при каждом движении. Еды на два дня, воды на столько же. Небо к этому времени потемнело, ветер с севера нагонял волну.

Кто-то из женщин сказал что не стоит выпускать их в такую погоду.

— Стоит, — сказал Седрик.

Эйн стоял на берегу и смотрел как лодка уходит.

Варн стоял рядом — молчал весь день, с тем выражением лица которое Эйн уже научился читать как *я думаю о чём-то и не скажу о чём*. Дара держала его за плечо — не нежно, крепко, как держат когда хотят чтобы человек чувствовал что рядом есть кто-то твёрдый.

Лодка дошла до горизонта.

Потом из серой воды поднялась волна — одна, большая, несоразмерная с остальными, такая какие не рождаются от ветра а приходят из глубины когда глубина решает что пора. Она накрыла лодку и разломила её без усилия. Без злобы. Как ломают то что уже отслужило.

Эйн смотрел на это и думал что у Аэлис странная манера прощать.

— Именно она привела нас сюда, — сказал Седрик тихо, ни к кому конкретно. — Триста лет назад. Когда четыреста душ сели в лодки и поплыли на звезду которую видели первый раз в жизни. Она была впереди. Она привела. — Пауза. — Она не любит когда её землю марают.

Дождь утих.

Море успокоилось — быстро, как будто сделало что хотело и потеряло интерес.

Эйн посмотрел на Варна.

Тот смотрел туда где была лодка. Лицо спокойное, закрытое. Но в глазах что-то — не страх, не торжество. Что-то что Эйн не мог назвать. Что-то не по возрасту, как будто Варн видел не то что только что произошло, а то что произойдёт потом.

— Пойдём домой, — сказала Дара.

Они пошли.

Седрик остался на берегу один — стоял и смотрел на воду ещё долго после того как все ушли. На щеке у него подсыхала царапина от чужого ножа. Тонкая, почти незаметная. Он не стал её перевязывать.

Той ночью Варн спал без видений.

Впервые за три дня — просто темнота, просто сон, ничего красного. Дара слышала его дыхание из соседней комнаты и долго лежала не закрывая глаз.

Она знала что тишина это не конец.

Тишина — это когда что-то набирает силу и пока что не торопится.

Ему было десять лет. До шестнадцати оставалось шесть.

Шесть лет тишины.

Она не верила что тишина продержится так долго.

Часть 2: Исход

Эйн проснулся от запаха.

Хлеб с солью. Пекли всю ночь — запах забился в щели, пропитал подушку, одеяло, даже стены. Он лежал и смотрел в потолок. Белёный, с трещиной у балки. Знал её наизусть.

За стеной что-то упало. Потом шаги — лёгкие, быстрые.

Варн.

Эйн встал.

Глава первая

Варн стоял на улице босиком. Смотрел на небо — Ты чего, — сказал Эйн.

— Не спится.

— С каких пор?

— С сегодня.

Небо было серое, предрассветное. Одна звезда на западе ещё не погасла. Бледная, маленькая.

— Сегодня же праздник, — сказал Варн.

— Знаю.

— Костёр вечером.

— Знаю, Варн.

— Ты уже слышал историю?

— Все слышали. Каждый год.

— Я имею в виду по-настоящему. — Варн посмотрел на него. В полутьме глаза казались чёрными. — Не просто сидишь и ждёшь, пока закончат. А слушаешь.

Эйн помолчал.

— Нет, — сказал честно. — Не слышал.

— Вот и я нет. — Варн снова посмотрел на звезду. — В этом году буду.

Звезда погасла. Небо начало светлеть с востока. Медленно, как всегда, когда ждёшь.

День памяти братьев начинался с игры.

Дети собрались на поляне у северного берега. Восемь человек — от шести до двенадцати. Форн, рыжий и вечно сопливый, крутился у всех под ногами. Старшие девочки поправляли платья — хотя в игре они всё равно будут бегать по грязи.

Варн встал в центр.

— Я буду Каином.

Форн поднял голову. Нос шмыгнул.

— Не-а. Каином всегда кто-то из Рэнаров. Мама сказала.

— Мама сказала, — передразнил Варн. — А ты сам видел?

Форн замолчал. Почесал щёку.

— Всё равно нечестно. Ты всегда стражник. Ты не умеешь быть Каином.

— Научусь, — сказал Варн.

Эйн вздохнул. Встал рядом. Ничего не сказал — просто подошёл и встал. Знак: я с тобой.

Дети переглянулись. Потом один мальчик, постарше, с длинными руками, сказал:

— А можно я буду стражником?

— Можно, — сказал Варн.

Больше никто не спорил. Варна боялись спорить. А новое — всегда интереснее.

Играли до полудня.

Варн водил своих — четырёхсот — через поляну, через кусты, к воображаемому тоннелю у воображаемой стены. Эйн бежал рядом, подбадривал тех, кто отставал.

— Давай, Миель, быстрее!

— Я не могу, у меня камень в башмаке!

— Вытряхни на бегу!

В какой-то момент они лежали в кустах, пережидая стражников. Варн замер. Не дышал. Смотрел в просвет между ветками.

Эйн заметил — лицо у него стало чужое. Как будто он не здесь, а где-то ещё.

— Варн?

Тот не ответил.

— Варн!

Варн моргнул. Посмотрел на Эйна.

— Что?

— Ты какой-то странный.

— Нормальный. — Варн тряхнул головой. — Просто... показалось.

— Что показалось?

— Ничего. Пошли.

Они побежали дальше.

Потом стражники поймали троих. Мальчик с длинными руками схватил девочку за рукав и закричал:

— Я её поймал! Она моя!

— Неправда! — закричала девочка. — Ты просто дотронулся! По правилам надо удержать!

— Я держал!

— Нет, не держал!

Они чуть не подрались. Варн подошёл. Посмотрел на мальчика сверху вниз — он был выше всех.

— Отпусти.

Мальчик не отпустил.

— Отпусти, — повторил Варн. Голос стал тихим. Страшным.

Мальчик отпустил.

— Правила для всех, — сказал Варн. — Не нравится — не играй.

Мальчик обиделся, но смолчал.

Четыреста добрались до тоннеля. Все закричали «победа!». Даже стражники захлопали. Варн стоял в стороне и смотрел на кусты, где они прятались.

Эйн подошёл.

— Ты чего?

— Ничего, — сказал Варн. — Просто... странно.

— Что именно?

— Чувство. Будто я уже здесь был. — Он помолчал. — Не в игре. По-настоящему.

Эйн не знал, что на это сказать.

Глава вторая

После игры они ели на берегу. Хлеб с солью, варёные яйца, вяленую рыбу. Тод принёс и ушёл. Сел на камень в стороне и молчал. В день памяти братьев он всегда становился тихим.

Форн жевал с открытым ртом. Крошки сыпались на рубаху.

— Эйн, а это правда? — спросил он. — Про тоннель. За один день вырыли?

— За день и ночь, — сказал Эйн. — И лопаты украли у стражников.

— А стражники не заметили?

— Они пили. На коронацию давали деньги.

Форн задумался. Почесал нос.

— Пить вредно, — сказал он наконец.

Варн усмехнулся.

— Земля там мягкая, — сказал он. — У стены. Туда никто не ходит. Охраны нет. Логично.

Форн уставился на него.

— Ты говоришь как будто сам там был.

— Думать надо, — сказал Варн.

Форн надулся.

— Я тоже умею думать.

— Ну и думай.

Форн обиделся. Засопел. Эйн положил ему руку на плечо.

— Сколько рыб ты поймал в этом месяце? — спросил он.

Форн сразу ожил.

— Огромную! Вот такую! — он развёл руки в стороны. — Я еле вытащил, она чуть меня сама не утащила!

— Врёшь, — сказал Варн.

— Не вру!

— Врёшь.

— А вот и не вру!

Эйн улыбнулся. Смотрел на море. Горизонт был пуст. Ни одного корабля.

Глава третья

К вечеру весь остров собрался у храма.

Люди рассаживались кругом — на камнях, на скамьях, на земле. Дети бегали между взрослыми, пока не стемнело. Запах хлеба с солью смешивался с дымом костра и солью моря.

Варн сел близко. Прямо перед местом, где будет стоять старейшина.

Эйн сел рядом.

Сзади кто-то зашептался. Эйн обернулся. Узнал отца Горта. Тот наклонился к соседу:

— Этот мальчишка опять в первом ряду. Вечно ему всё мало.

Сосед кивнул.

— Дара его, — сказал он. — Чужая кровь. Не наша.

— Тсс! — жена отца Горта дёрнула мужа за рукав. — Седрик услышит.

Отец Горта замолчал. Но Эйн видел его взгляд. Тяжёлый, злой. Он смотрел на затылок Варна.

Варн не обернулся. Может, не слышал. Может, слышал и не показал.

Мара встала у огня.

Маленькая, сухая, белая коса до пояса. Красные глаза ничего не теряли даже в темноте.

Она была прямым потомком Рэна. Не боковая ветвь, не бастард. Прямая.

Разговоры смолкли сами. Не потому что она попросила. Просто смолкли.

Мара посмотрела на огонь. Потом на людей.

— Триста лет назад, — сказала она, — в самом грязном углу самого большого города в мире...

Глава четвертая

Мара говорила негромко. Но слышно было всем.

— Два мальчика. Каин и Рэн. Белые волосы, красные глаза. Такие как у многих из вас.

Отец Горта хмыкнул. Сосед толкнул его локтем.

— Они жили в яме. Буквально в яме. Пол земляной, стены земляные. Крыша из досок, которые гнили каждую зиму и каждое лето их латали заново. Отец ловил крыс. Из их кожи шили перчатки для господ. Мать пряла. С рассвета до темноты, пока пальцы не переставали чувствовать. За это им давали еду и позволяли жить.

Мара сделала паузу.

— Позволяли жить. Вот как это называлось.

— Когда они выросли, то украли оружие у стражников.

Мара рассказала как. Ночью. Вдвоём. Проникли в казарму. Убили двух стражников — тех, что насиловали сестёр их друга. Перетащили всё оружие к себе в дом. Закопали во дворе. Глубоко.

Глава казармы заметил пропажу. Устроил обыск. Обыскали каждый дом. Ничего не нашли.

После обыска Каин не сдержался. Усмехнулся. Сказал что-то про слепых свиней.

Мара не повторила слова. Но по её лицу все поняли — было страшное.

— Стражник взбесился, — сказала она. — Не нашёл оружия. Пусть хоть кровь успокоит.

Матери братьев перерезали горло. Прямо на пороге дома.

Отец упал на колени. Ему отрезали... — Мара замолчала. — Отрезали то, что делает мужчину мужчиной. И засунули ему в рот. Заставили жрать.

По толпе прошёл шёпот ужаса. Женщины закрыли детям глаза. Но поздно. Форн уже слышал. Он прижался к матери. Она погладила его по голове, но не ушла.

— Он истёк кровью, — сказала Мара. — На глазах у братьев. Стражник сказал: «Это вам урок. В следующий раз будет хуже».

Никто не засмеялся. Никто не кашлянул.

— Потом был тоннель. Рыли от дома у стены. Хозяин того дома сказал: «Если так поступили с братьями — мои дети следующие». Он согласился помочь. Это не геройство. Это простой счёт.

Кто-то в толпе кивнул.

— Был доносчик. Сосед из дома напротив. Подслушал. Побежал докладывать.

Мара усмехнулась краем рта.

— Кинжал в ягодицу — и разговор другой. Ему предложили выбор. Помочь или лежать за домом. Он выбрал помочь. Поплыл с нами. Его правнуки живут на южном берегу.

Кто-то засмеялся. Тихо, но тепло. Даже дети хихикнули.

— Потом была коронация принца Аэрна Корна.

Мара произнесла имя как что-то опасное. Как яд, который нужно держать подальше от лица.

— Принц был умный. Красивый. Жестокий — но не глупо, а с расчётом. Это хуже. Злой человек ошибается. Расчётливый — нет.

Повозка принца ехала по секторам. Золотая, огромная, с деревом богини наверху. Жители бросали в неё самое ценное. За первой стеной самым ценным была медь. Иногда серебро.

— Каин бросил в неё себя.

Она рассказала про тайное дно. Про час в темноте и пыли. Про мешок золота — тяжёлый, неподъёмный почти. Про прыжок на крышку тайного хода.

Форн дёрнул Эйна за рукав:

— А золото зачем?

— Чтоб было на что жить на острове, — шепнул Эйн.

— А, — сказал Форн.

Принц Аэрн заметил пустые улицы. Слишком тихо. Спросил стражника:

— Где люди?

Стражник выпятил грудь:

— Я запугал их! После того как пропало оружие — они все разбежались. Это моя заслуга!

Принц посмотрел на него. Достал клинок. И отрубил голову.

Одним ударом. При всех.

Голова упала в повозку. Кровь залила золото.

— Потому что стражник был тупой и некомпетентный, — сказала Мара. — А принц этого не прощал.

Никто не вздохнул. Даже отец Горга сидел тихо.

— Принц понял, что происходит бунт. Люди исчезают. Оружие пропало. Он мог дать бой. Но если бы он проиграл — на глазах у всех, на коронации — низшие круги увидели бы, что Корны смертны. И поднялись бы.

Принц сказал: «Уходим. Сейчас же».

— Пока принц колебался, пока стража разворачивалась — четыреста человек уже уходили в тоннель.

Сотня за сотней. С детьми, со стариками, с теми, кто боялся, и теми, кто уже не боялся ничего.

Рэн был с ними. Он не кричал, не приказывал. Просто был там.

Каин остался наверху. Ходил между домами. Стучал в стены. Создавал шум. Тянул время.

Потом прыгнул последним. Когда вода уже была у берега.

Мара замолчала.

— А принц? — спросил кто-то из детей.

— Принц пришёл с солдатами на рассвете. Сектор был пуст. Только ветер и пыль. И лужа крови у дома братьев. — Пауза. — А золота в повозке стало меньше. Каин утащил мешок. Принц бесился. Но поздно.

Эйн сжал пальцы. Ему было страшно. Хотя он знал, чем кончится.

Варн смотрел на огонь. Не шевелился. Только кадык дёрнулся — сглотнул.

— А звезда? — спросил Форн. — Про звезду расскажи!

Мара посмотрела на него. Улыбнулась. В первый раз за вечер.

— Мать рассказывала им про звезду. Ту самую, что показывается раз в двести лет. Она стоит на месте, пока все другие движутся. Если плыть прямо на неё — будет остров. Остров без стен. Где земля плодородная, деревья до неба, а жили когда-то друиды — те, кто помнили старую магию.

По толпе прошёл тихий вздох. Люди смотрели на звёзды.

— Рай, — сказала Мара. — Вот что им обещали. Они поверили. И поплыли.

Пять ночей в открытом море. Лодки, набитые людьми. Холод, голод, солёная вода вместо питьевой.

На третий день Каин умер.

— От истощения, — сказала Мара. — Слишком долго бежал. Слишком мало ел. Слишком много держал в себе. Просто лёг на дно лодки и не встал.

Тишина. Только костёр трещал.

— Рэн закрыл ему глаза и грёб дальше. Потому что это то, что сделал бы Каин.

Форн уткнулся носом в плечо матери. Она погладила его по спине.

Остров увидели на рассвете пятого дня. Сначала запах. Земля, зелень, что-то живое. Потом очертания на горизонте. Потом — деревья. Такие высокие, что у людей закружились головы.

Рэн первым ступил на берег. Опустился на колени. Взял в ладони землю. Подержал. Положил обратно.

Четыреста человек вышли на берег. Кто-то плакал. Кто-то смеялся. Дети бегали по песку — они ещё не понимали, что случилось, просто чувствовали, что можно бежать.

Мара замолчала.

Глава пятая

Она взяла горсть соли из мешочка и бросила в огонь.

Пламя вспыхнуло голубым.

Все сделали то же самое. У каждого был свой мешочек. Эйн бросил соль. Смотрел, как огонь меняет цвет.

— Аэлис привела их сюда, — сказала Мара тихо. — Звезда богини светила пять ночей. Она не гаснет, пока её дети в пути.

Потом она отошла от костра.

Люди начали подниматься. Уходить маленькими группами. Детей разбирали родители. Форн спал на плече у матери — рот открыт, сопит.

Варн и Эйн остались у углей.

Сидели долго. Молча. Смотрели, как огонь умирает.

Потом Варн сказал:

— Как думаешь, он боялся?

— Кто?

— Каин. Когда остался наверху.

Эйн подумал.

— Наверное. Было бы странно, если нет.

— Но он остался.

— Остался.

Варн кивнул.

— Значит, страх — это просто шум. Он есть, но ты всё равно идёшь.

Эйн посмотрел на него. Варн смотрел в угли. Лицо было мягкое. Открытое. Такое Эйн видел редко.

— Шум, — повторил Эйн.

— Ну да. Шум.

Отец Горты прошёл мимо. Не смотрел на них. Но перед тем как скрыться в темноте, бросил в сторону костра:

— Сказки. Красивые сказки для чужих детей.

Варн не обернулся.

— Не обращай внимания, — сказал Эйн.

— Я и не обращаю.

Но голос у Варна стал жёстче. Эйн это заметил.

Они посидели ещё.

Потом Варн встал. Отряхнул штаны. Посмотрел на храм — белые стены в темноте, огонь костра отбрасывает живые тени.

— Спокойной ночи, Каин, — сказал он.

Негромко. Просто. Как говорят соседу через забор.

Повернулся и пошёл.

Эйн смотрел ему в спину. Думал о том, что Варн никогда не плачет. И о том, что через три года ему будет шестнадцать.

Мысль пришла сама. Ниоткуда. Эйн не знал, почему она кажется важной.

Он встал. Бросил последнюю щепотку соли в угли.

И пошёл следом.

Часть 3: Рыжая

Глава первая

Он узнал её по голосу.

Ещё до того как обернулся — она торговалась с рыбаком у прилавка, спокойно, без спешки, с той прямотой которую он уже слышал однажды. *Остров маленький. Все всё видят.* Варн остановился посреди тропинки.

— Ты чего встал, — сказал Эйн сзади и налетел на него.

— Смотрю.

— На что?

Варн не ответил.

Сэла стояла у прилавка — рыжие волосы на солнце почти красные, несколько прядей выбились и падали на щёку. Рыбак кряхтел и разводил руками. Она улыбалась — не широко, краем рта, как улыбаются когда уже знают чем кончится.

— Ты её знаешь, — сказал Варн. Не вопрос.

— Немного. Отец рыбак, мать ткачиха. Переехали с южного берега месяц назад.

Варн смотрел ещё секунду. Потом пошёл к прилавку — не спросив Эйна, просто пошёл.

Сэла взяла рыбу, завернула в тряпку, убрала в корзину. Обернулась. Посмотрела на него прямо — не дерзко, просто прямо, как смотрят когда не видят причины смотреть в сторону.

— Варн, — сказала она. — Знаю кто ты.

— Откуда.

— В этом году ты был Каином.

— Был.

— Видела. — Пауза. — И то что было до этого тоже видела.

Она имела в виду игру. Горта. Девочку за рукав. Варн понял это по тому как она сказала — без объяснений, просто дала понять что помнит.

— Остров маленький, — сказал он.

— Все всё видят, — согласилась она. И пошла.

Варн смотрел ей в спину.

— Ну, — сказал Эйн. — Поговорил.

Варн уже догонял её.

Следующие две недели Варн был другим.

Не плохим другим — просто другим. Всё ещё двигался как всегда, говорил коротко, хмыкал вместо смеха. Но что-то внутри него переключилось — как будто кто-то изменил направление ветра и он сам не заметил но все флюгеры смотрели теперь иначе.

Они проводили время втроём.

Сэла оказалась такой что с ней не было скучно. Знала много, рассказывала не торопясь, перепрыгивала с темы на тему легко как прыгают по камням через ручей. Рассказывала про южный берег — там было болото за холмом, маленькое, и в нём водились белые птицы с чёрными клювами которые пели только на рассвете и только в туман. Рассказывала про то как её отец однажды поймал рыбу размером с лодку.

— Рыбы не смотрят умно, — говорил Варн.

— Эта смотрела, — говорила Сэла.

— Ты просто не видела много рыб.

— Я выросла на рыбацком берегу.

— Тогда ты слишком привыкла и тебе начало казаться.

Сэла смотрела на него.

— Ты спорливый.

— Я точный.

— Это одно и то же.

Варн молчал секунду. Потом хмыкал.

Эйн наблюдал за этим и думал что никогда раньше не видел как Варн хмыкает дважды в один день.

Однажды они сидели у восточного обрыва — втроём, свесив ноги над водой — и Сэла рассказывала про звёзды. Не про ту звезду, про обычные. У каждой было своё домашнее имя. Та — Рыбий Глаз. Та — Сломанная Игла. Та — Старик Который Ждёт.

— Кого ждёт, — спросил Эйн.

— Не знают. Просто ждёт.

— Это грустно.

— Или терпеливо. Зависит как смотреть.

Помолчали. Потом Сэла достала что-то из кармана — маленькое, плоское, завернутое в тряпку. Развернула. Протянула Эйну.

Это была дощечка — тонкая, с ладонь, потёртая по краям. На ней тёмное небо и светлые полосы — зелёные, белые, с синим. Нарисовано неровно, но живо. Как будто тот кто рисовал торопился — боялся что исчезнет пока рисует.

— Что это, — спросил Эйн.

— Северное сияние. Кто-то из наших видел его ещё в Арракхале. Нарисовал как мог.

Эйн смотрел на дощечку. Варн тоже смотрел — через плечо, молча.

— Ты видела его? — спросил Эйн.

— Нет. Его видно только в Арракхале. У нас — нет.

— И всё равно хочешь?

Сэла взяла дощечку обратно. Завернула в тряпку. Убрала в карман.

— Хочу увидеть сколько места оно занимает, когда не помещается в карман, — сказала она.

Не пафосно. Просто.

Варн смотрел на море. Эйн смотрел на Сэлу. Она смотрела на небо — туда где звёзд пока не было, только синева уходящего дня.

Варн слушал и думал что никогда раньше не смотрел так долго на одного человека просто потому что хотел смотреть.

Глава вторая

Горта он заметил давно.

Не сразу — на второй или третий день, когда они втроём сидели у колодца. Горт прошёл мимо, остановился, сказал Сэла что-то про вечер. Сэла посмотрела на него и сказала *нет* — просто нет, как говорят нет дождю. Горт ушёл.

— Он уже спрашивал, — сказала Сэла. — Три раза.

— Неприятный, — сказал Эйн.

— Тупой. Это хуже.

Варн промолчал. Посмотрел вслед Горту — коротко, один взгляд — и вернулся к разговору. Но запомнил.

После игры он помнил как Горт держал девочку за рукав. Тогда это была игра. Теперь он смотрел на Горта и понимал что тот и в жизни держит так же. Если хочет — берёт. Если не отпускают — держит крепче.

Горту было пятнадцать. Широкоплечий раньше времени, с руками привыкшими к тяжёлой работе. Ходил по острову с видом человека которому всё немного должны — не злобно, просто как данность. Эйн его почти не замечал. Варн замечал.

Он видел как Горт смотрит на Сэлу когда та не видит.

Это был нехороший взгляд. Не потому что злой — потому что терпеливый. Как смотрят на вещь которую решили взять и только ждут момента.

Варн думал сказать ей. Потом думал что она и так знает — три раза отказала, не слепая. Потом думал что скажет при случае.

Случай не пришёл.

Или он не создал его — это он потом думал долго, и ответа не находил, и от этого было хуже всего.

Он узнал наутро.

Не сразу — сначала почувствовал что что-то не так по тому как люди ходили. На маленьком острове это читается в походке, в том как смотрят или не смотрят. Что-то случилось и все уже знали и он ещё нет.

Эйн пришёл к нему утром. Сел. Сказал.

Варн слушал молча.

Потом встал и вышел из дома.

Дара что-то говорила ему в спину — он не слышал. Шёл к северному берегу, туда где Горт жил с отцом. Шёл быстро, потом медленнее, потом остановился у поворота.

Стоял там долго.

Внутри него было что-то горячее и тёмное — он знал это что-то, умел его чувствовать, умел с ним не соглашаться. Дара учила. Он учился. Сейчас это давалось труднее чем когда-либо.

Горт вышел из дома — с сетями, на работу, как обычно. Прошёл мимо не заметив Варна за поворотом.

Варн смотрел на его спину.

Потом повернулся и пошёл домой.

Он не знал как помочь.

Это было незнакомое чувство — Эйн обычно знал что делать или хотя бы знал что сказать. Сейчас не знал ни того ни другого. Варн ходил с закрытым лицом, почти не говорил, отвечал коротко и только по делу. Не злился на Эйна — просто ушёл куда-то внутрь и дверь закрыл.

— Ты ел сегодня? — спросил Эйн однажды.

— Утром.
— Сейчас вечер.
— Знаю.
— Пойдём к Тоду. У него есть что-нибудь.
— Не хочу к Тоду.
— Тогда я принесу.
— Эйн.
— Что.
— Не надо за мной смотреть.
— Я не смотрю за тобой. Просто рядом.
Варн посмотрел на него. Долго.
— Хорошо, — сказал он наконец.

Они пошли к Тоду. Ели молча. Тод не спрашивал ничего — только поставил еду и сел в угол и занялся своим. Это было правильно. Тод умел молчать когда нужно молчать.

Сэлу никто не видел уже четыре дня.

Эйн слышал краем уха — взрослые говорили между собой, вполголоса, с тем особым тоном которым говорят о неприятном когда хотят поговорить но и не хотят чтобы слышали. Говорили что она сама виновата что ходила поздно. Говорили что нечего теперь плакать. Говорили что молодая ещё, забудет. Кто-то сказал что Горт парень грубый но работающий, незачем ломать мальчишке жизнь из-за глупости.

Эйн слышал это и чувствовал что-то тяжёлое в груди.

Он не знал как это называется — то что говорили взрослые. Знал только что это неправильно. Что это так же неправильно как стражники за первой стеной которым можно всё. Только здесь, на их острове, без стен, без стражников — и всё равно кто-то решил что можно. И всё равно остальные смотрели в другую сторону.

Он рассказал это Варну.

Варн слушал.

— Она не выходит из дома, — сказал Варн.

— Знаю.

— Один раз видел её в окне. Она смотрела на улицу. Потом убрала занавеску.

— Может ей нужно время.

— Может. — Варн смотрел в стол. — Эйн. Как ты думаешь — ей там одиноко?

Эйн не ответил сразу. Думал.

— Думаю да, — сказал он честно.

— Мне тоже так кажется. — Тихо. — Хуже всего не то что случилось. Хуже всего когда после этого — одиноко.

Глава третья

Он думал о своём дне рождения.

Через десять дней ему исполнялось тринадцать. Дара каждый год делала что-нибудь особенное — пекла хлеб с мёдом, звала нескольких человек, вечером они сидели у огня. Ничего большого. Варну нравилось ничего большого.

В этом году он думал позвать Сэлу.

Не потому что праздник. Потому что повод выйти — ей нужен повод, что-то конкретное, не *просто приходи*, а настоящий повод куда можно прийти и знать что тебя ждут. Он думал что скажет ей сам — не через Эйна, сам. Подойдёт к двери. Постучит. Скажет.

Он несколько раз репетировал это в голове.

Получалось по-разному. Иногда хорошо, иногда глупо, один раз вышло совсем бессвязно и он потряс головой и начал снова.

— Ты что-то бормочешь, — сказал Эйн.

— Думаю вслух.

— О чём.

— О том что скажу ей.

Эйн помолчал.

— Про день рождения?

— Про день рождения. И ещё кое-что.

— Кое-что это что.

— Эйн.

— Понял. Не моё дело.

— Спасибо.

Эйн улыбнулся — не насмешливо, по-настоящему. Варн это заметил. Эйн умел улыбаться так что это не раздражало.

— Она придёт, — сказал Эйн.

— Ты не знаешь.

— Нет. Но верю.

Варн хотел сказать что *верю и знаю* — разные вещи. Но не сказал. Потому что верю тоже что-то стоит. Иногда.

За три дня до его дня рождения он пошёл к её дому.

Утром, рано, пока улица была ещё пустая. Встал у двери. Поднял руку.

И не постучал.

В игре он встал рядом с ней против Горта. Тогда это было просто. У двери оказалось труднее.

Стоял так минуту. Слышал изнутри тишину — такую тишину которая бывает когда дом не спит а молчит. Это разные вещи. Спящий дом дышит. Этот просто молчал.

Он опустил руку.

Пошёл обратно.

Завтра, думал он. Завтра утром снова. Или вечером лучше — вечером люди на улице и она может смотреть из окна и видеть что всё обычно что ничего не изменилось.

Завтра.

Он узнал на следующее утро.

Не от Варна — от соседки которая бежала по улице с таким лицом каким бегут когда нужно позвать кого-то старшего и срочно. Эйн стоял на пороге и смотрел как она бежит и ещё не понимал — просто почувствовал что что-то. Что-то большое и плохое.

Потом услышал крик.

Женский, низкий — не крик боли, крик горя, это разные звуки. Эйн знал это различие. Он побежал.

Улица была уже не пустая когда он прибежал.

Люди стояли у дома Сэлы — несколько человек, молча, с лицами которые не знают куда смотреть. Мать сидела на земле у крыльца и её держала соседка — держала крепко, как держат когда боятся что иначе человек упадёт не потому что ноги не держат а потому что незачем стоять.

Отец стоял чуть в стороне.

Эйн посмотрел на его лицо — один раз, коротко — и отвёл взгляд. Некоторые лица не для долгого смотрения.

Он не видел Сэлы.

Не видел и понял что не увидит. Что то что было Сэлой — рыжие волосы, серые глаза, *хочу увидеть сколько места оно занимает когда не помещается в карман* — этого больше нет. Что это ушло так же тихо как она убрала занавеску когда он видел её в окне.

Он стоял и не мог двигаться.

Потом вспомнил про Варна.

Позже, когда всё немного улеглось — не стало лучше, просто улеглось — мать Сэлы вышла из дома. Прошла мимо людей которые стояли у забора. Никто не сказал ей ничего. Кто-то отвёл взгляд. Кто-то отошёл чуть в сторону.

Она подошла к Эйну.

Молча достала что-то из кармана фартука. Протянула.

Маленькая дощечка в тряпке.

Эйн взял. Мать Сэлы уже уходила обратно в дом. Он смотрел ей в спину — потом посмотрел на дощечку в своих руках.

Варн стоял рядом. Смотрел тоже.

Не протянул руку.

Эйн завернул дощечку обратно в тряпку и убрал за пазуху.

Глава четвёртая

Варн сидел на обрыве.

Один, без Эйна — значит уже знал. Эйн подошёл и сел рядом и не сказал ничего потому что нечего было говорить. Они сидели и смотрели на море которому было всё равно — море всегда такое, ему всегда всё равно, и иногда это раздражает а иногда от этого легче.

Сейчас не легче.

Варн не плакал — Эйн смотрел на него краем глаза и видел что нет. Лицо у него было такое каким бывает когда что-то внутри сломалось но так глубоко что снаружи не видно. Как трещина в камне которую не замечаешь пока не надавишь.

Потом Варн заговорил.

Не сразу — долго сидел молча, и вдруг:

— Я должен был постучать.

— Варн—

— Вчера утром. Я стоял у двери. Поднял руку. И не постучал. Решил завтра.

Эйн молчал.

— Завтра, — повторил Варн. Тихо, как повторяют слово которое перестало что-то значить. — Я сказал себе завтра.

— Это не твоя—

— Я знаю что не моя. — Голос у него не дрогнул. — Я знаю кто виноват. Я знаю кто это сделал с ней и я знаю что она не вынесла — не того что случилось, а того что после. Как на неё смотрели. Что говорили. — Пауза. — Я знаю всё это. И всё равно думаю про ту дверь.

Эйн не нашёл что ответить.

Иногда правильного ответа нет. Иногда человек говорит не чтобы получить ответ а потому что если не сказать — это останется внутри и будет давить пока не продавит насквозь.

Он просто сидел рядом.

Море дышало внизу.

— Она была хорошая, — сказал Варн. Тихо и просто, как говорят очевидные вещи. — Умная и смешная и смотрела прямо. Таких мало.

— Да, — сказал Эйн.

— Её не стало не потому что она была слабая. — В голосе появилось что-то твёрдое. — Её не стало потому что её оставили одну с этим. Потому что те кто должен был — не встал рядом.

— Да.

— Это неправильно.

— Да.

— Эйн.

— Что.

— Как ты думаешь — она знала что мы думали о ней хорошо? Что нам было не всё равно?

Эйн подумал по-настоящему. Не утешительно — по-настоящему.

— Думаю да, — сказал он. — Она была умная. Такие чувствуют.

Варн кивнул. Один раз. Медленно.

Потом что-то в нём сломалось — не тихо, а сразу. Он не заплакал — не было слёз, просто что-то вырвалось наружу, тихий горловой звук, один, как будто что-то внутри наконец не выдержало держать. Он обхватил колени руками и уткнулся в них лицом.

Эйн положил руку ему на спину.

Не говорил ничего. Просто держал руку.

Море шумело. Ветер шёл с севера, холодный, пахнувший осенью которая приходит раньше чем ждёшь.

Они сидели так долго.

Потом был день рождения.

Дара испекла хлеб с мёдом. Пришёл Эйн. Тод принёс что-то в корзине и поставил на стол и снова ушёл — так же как тогда когда они ели после всего. Тод умел приходить и уходить правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.